

2. Сементовский А. М. Памятники старины Витебской губернии / А. М. Сементовский. — СПб, 1867.
3. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. — Вып. 1. — Спб., 1890. — 136 с.
4. Шарковская Н. Археолог-любитель из Завидичей (о выявленных материалах М. Ф. Кусцинского в фондах Витебского областного краеведческого музея) / Н. Ю. Шарковская // Музейны веснік. Вып. 2. Нац. Музей гісторыі і культуры Беларусі. — Мінск, Юніпак, 2005. — С. 65–71.
5. Шарковская Н. Ю. Материалы Лепельщины в археологическом собрании Витебского областного краеведческого музея / Н. Ю. Шарковская // Лепельскія чытанні / Матэрыялы III навукова-практычнай канферэнцыі. Лепель, 10 кастрычніка 2008 г. — С. 29–35.
6. Broń i narzędzia kamienne ze zbiorów Michała Kuścińskiego // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne — 1893 p. 72
7. O posażku znalezionum w powiecie Nowelskim // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne — 1893 p. 47–48.

О. А. Лобачевская

ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. Ф. КУСЦИНСКОГО (1829–1905) В СОБРАНИИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ ВИЛЬНЮССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета в фонде F 46 хранятся 43 фотографии, которые были выполнены в Витебской губернии. Об этом свидетельствуют авторские подписи на паспарту, в которых указана конкретная локализация фотоснимков. Вместе с тем в описях и картотеке отдела рукописей отсутствуют указание на автора и дату изготовления этих фотографий.

Высокое качество, характер визуальной информации, которую содержат фотоотпечатки, позволяют отнести их к раннему этапу развития фотографии — к середине XIX в. Анализ этой коллекции, предпринятый нами, позволил установить, что

их автором является Михаил Францевич Кусцинский (1829–1905) — уроженец Беларуси, имевший имение в д. Завидовичи Лепельского уезда Витебской губернии. Ранее нами были атрибутированы фотографии М. Кусцинского в собрании Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге [1; 2].

Введение в научный оборот вильнюсского собрания значительно расширяет наши представления о научной и фотографической деятельности М. Кусцинского, многогранности его творческой личности, позволяет высоко оценить его основополагающую роль в становлении краеведческой и этнографической фотографии в Беларуси.

Целью статьи является анализ вильнюсской коллекции, изучение обстоятельств ее появления и истории хранения, определение места этих фотографий в народоведении, музейно-выставочной практике и истории развития фотографии в Беларуси в середине — второй половине XIX в.

М. Кусцинский известен в первую очередь как археолог. В 1850–1900-е гг. он изучал археологические памятники Витебщины, исследовал знаменитый Гнездовский курган на Смоленщине. В своём имении Завидовичи он создал Музей древностей. Научный вклад М. Кусцинского в зарождение и развитие археологии и исторического краеведения на Беларуси был высоко оценен современниками. Его имя стоит в одном ряду с именами первых исследователей белорусских древностей и истории: З. Доленги-Ходаковского, Т. Нарбута, Е. Тышкевича, А. Киркора, В. Завитневича, В. Шукевича, Е. Романова [3, с. 6]. Биографический очерк об археологе включен в энциклопедию «Археалогія і нумізматыка Беларусі» [4] и «Энцыклапедыю гісторыі Беларусі» [5]. Деятельности археолога посвящен раздел в книге «Археология и краеведение в Беларуси» [6, с. 116–117].

Кроме археологии М. Кусцинский увлекался фотографией. Он впервые на Беларуси начал фотографировать процесс раскопок, археологические предметы и экспонаты своего му-

зая, зафіксироваў знаменітыя Борисовыя камяні — монументальныя помнікі эпіграфікі XII в. [5; 7, рис. 3, 4а, 4б, 5]. Тры фатаграфіі археалагічных знаходак з музея М. Куцінскага ў Завідовічах, захоўваюцца ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі. Прыкметна, што на адной з іх існуе надпіс на польскай мове: «Własność i fotogr. Michała Kuscińskiego w Zawidzicach (Собствeнность и фотогр. Міхаіла Куцінскага ў Завідічах)» [7, с. 68].

Навуковыя інтарэсы М. Куцінскага былі разностароннімі. Ён скончыў Віленскі дваранскі інстытут і затым атрымаў універсітэцкае адукацыю ў Санкт-Пецярбургу. Вярнуўшыся ў родовае гнёзда — імяне Завідовічы каля Лепеля, ён працягваў падтрымліваць навуковыя кантакты з вучэнымі і рознымі ўстановамі ў Маскве, Санкт-Пецярбургу, Віцебску, Вільню, супрацоўнічаў з Віленскім музеем старажытнасцей, Історычным музеем ў Маскве, састаняў у дружэскіх адносінах з аднакурснікам па ўніверсітэту, найбольшым рускім археалагам XIX в. графам А. С. Уваровым — заснавателем Імператарскага Русскага археалагічнага таварыства, членам якога ён выступаў з 1867 г. [6, с. 116–117].

М. Куцінскі — аўтар історыка-краязнаўчага ацэрака о Лепельскім уездзе, атрымаўшага награву на конкурсе варшавскага журналу «Вокруг света» («Naokoło Świata») [8]. Як член Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта, археалаг і заснавальнік асобнага музея, ён ўдзельнічаў у арганізацыі Антрапалагічнага выстаўкі ў Маскве (1879), Археалагічнага съезда ў Вільню (1893). Як этнограф і заўважальны фатаграф ён праявіў сябе ў падрыхтоўцы Всерускай этнографічнага выстаўкі, якая разам са Славянскім съездам састаняла ў маі 1867 г. ў Маскве [9]. Фатаграфіі этнографічных тыпаў і сценаў народнага жыцця Віцебскай губерні М. Куцінскага прадставіў на выстаўку Віцебскі губернский статыстычны камітэт. Данні факт біографіі вучонага добра вядомы [10, с. 47, 49], аднак яго ори-

гинальные фотографии до недавнего времени оставались вне поля зрения белорусских исследователей и музейных сотрудников¹.

Нами выявлено две коллекции авторских фотоснимков М. Кусцинского: 31 фото в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге² и 43 фото в отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. Большой интерес для белорусских исследователей представляет вильнюсская коллекция, которая до настоящего времени была неизвестна и не введена в научный оборот.

По характеру изображений фотографии вильнюсской коллекции можно разделить на три части: этнографические сцены и типы, архитектурно-пейзажные виды, музейные археологические экспонаты. Самая многочисленная группа — этнографические снимки. Она является галереей народных типов — представителей этносов, проживавших в XIX в. на территории Витебской губернии: белорусов, латышей Латгалии, старообрядцев, цыган. География снимков охватывает современные Лепельский, Полоцкий, Бешенковичский, Верхнедвинский и Глубокский районы Витебской области Беларуси, а так же Даугавпилский край Латвии.

На 23 фотографиях изображены белорусские крестьяне Лепельского, Полоцкого, Дриссенского уездов, шляхта, мещане и ремесленники местечек Лепель и Улла. Это одиночные и парные портреты в рост, погрудные портреты в фас

¹ Несколько фотографий авторства М. Кусцинского как анонимные и с ошибочными датировками опубликованы в белорусских энциклопедиях по этнографии.

² В Российском этнографическом музее фото М. Кусцинского входят в состав коллекции № 8764, которая насчитывает более 22 000 тысяч иконографических экспонатов. До настоящего времени коллекция не полностью разобрана и фактически недоступна для исследователей. Она сформирована из экспонатов, которые были переданы из Москвы в Ленинград в 1949 г. в связи с упразднением Музея народов СССР, который в свою очередь включал экспонаты Дашковского этнографического музея, созданного из натуральных экспонатов и фотографий Всероссийской этнографической выставки 1867 г.

и профиль в овалах, многофигурные постановочные сцены. Некоторые из этих снимков были опубликованы в книге М. Кусцинского о Лепельском уезде [8, с. 8, 9, 4, 11, 7, 19, 21]: «Крестьянская изба вблизи Лепеля» (F 46–785), «Сельскохозяйственные орудия Лепельского уезда» (F 46–786), «Свадебный наряд крестьян Лепельского уезда» (F 46–788), «Крестьянки Лепельского уезда в традиционной одежде» (F 46–789), «Крестьянин Лепельского уезда Моцарской волости» (F 46–799), «Лепельский мещанин в рабочей одежде» (F 46–802), «Традиционный наряд мещанки м. Улла» (F 46–808). Очерк был напечатан в 1903 г., однако, фотографии следует отнести к более раннему времени. Датировать вильнюсские этнографические фотографии, пролить свет на историю их появления позволяет коллекция фотографий М. Кусцинского в Российском этнографическом музее. В этих двух собраниях имеются 26 одинаковых фотографий.

Фотографии М. Кусцинского из Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге первоначально принадлежали Дашковскому этнографическому музею в Москве, который был создан из экспонатов Всероссийской этнографической выставки 1867 г. и назван именем В. А. Дашкова — этнограф-любителя, одного из главных организаторов выставки и ее фундатора. Инициатором и организатором выставки было Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, созданное в 1864 г. при Московском университете. Подготовка выставки, инициированная в столице и поддержанная властями, содействовала пробуждению интереса к народной культуре на местах. Первая этнографическая выставка в истории России впервые широко познакомила отечественную и зарубежную общественность с бытом, обычаями, культурой многочисленных народов Российской империи.

Как член Витебского губернского статистического комитета, М. Кусцинский активно участвовал в подготовке Всероссийской этнографической выставки 1867 года. Будучи фото-

графом-любителем, он с энтузиазмом откликнулся на обращение фотоэтнографической комиссии выставки к фотографиям России. Комиссия выдвинула следующие требования к этнографическим фотографиям: «При выборе лиц для снятия фотографических портретов должно руководствоваться типичностью их, понимая под этим такие лица, которые в данном племени и в данной местности встречаются чаще других». Кроме того, были высказаны пожелания, чтобы авторы «пользовались лицами» крестьянского, купеческого сословия и сельского духовенства [9, с. 15]. Такие требования были продиктованы тем, что по фотографиям скульпторы создавали манекены для экспозиции выставки, которые представляли народы России в традиционных костюмах и за характерными для них занятиями. Коллекция фотоснимков большого размера, при условии, если они будут переданы безвозмездно — в дар выставке и музею и будут признаны достойными награды, давала право автору на получение золотой медали.

Этнографические фотографии М. Кусцинского в полной мере отвечали требованиям организаторов выставки. Собственноручные надписи автора задокументировали географию снимков, в них указан возраст, сословная и конфессиональная принадлежность изображенных. На некоторых фото из Санкт-Петербургского собрания имеются развернутые подписи. Это позволяет, например, уточнить возраст порт্রেтируемых на вильнюсских фотографиях: государственный крестьянин Заболотского общества Лепельского уезда 18 лет (F 46-792, 805), крестьянин Лепельского уезда 36 лет (F 46-798), лепельский мещанин-плотник 48 лет (F 46-794, 802), крестьянин Моцарской волости Лепельского уезда 72 лет (F 46-799).

В описях и подписях к фотоснимкам Российского этнографического музея имеются ценные пояснения автора относительно цвета, материала, времени бытования костюмов и головных уборов, которые отсутствуют на вильнюсских

фотографиях. Это позволяет установить, что на фото «Традиционный наряд мещанки м. Улла» (F 46–808) «головной убор парчовый, обшит галуном, верхняя одежда красного сукна, обшит галуном»³. В очерке М. Кусцинского о Лепельском уезде в подписях под этой иллюстрацией содержится более подробная информация: «Костюм мещанок с Уллы, Чашников и Лепеля; головной убор носят в первый год после свадьбы, имеет вид колпака с шелковой материи с серебрянными или золотыми нитями (*парчи — прим. авт.*); в настоящее время встречается редко» (*тут и далее пер. с польск. — авт.*) [8, с. 21]. Есть в очерке дополнения и относительно костюма жениха и невесты на фотографии «Свадебный наряд крестьян Лепельского уезда» (F 46–788): «На шапке жениха бант с цветной ленты. На голове невесты повязка с шелковой ткани, перетканной золотом, верхняя одежда — «катанка» с синего сукна» [8, с. 4]. Имеется в книге также пояснение к фото «Крестьянки Лепельского уезда в традиционной одежде» (F 46–789): «Костюм... встречается теперь редко. С левой стороны замужняя женщина, верхняя одежда — «катанка», обычно бывает синего сукна; девушка в полушелковой безрукавке — «гарсетике» [8, с. 21]

В ряде случаев более точную информацию содержат подписи на вильнюсских фотографиях. Представляет интерес снимок «Сцена при корчме в местечке Улла Лепельского уезда» (F 46–789). Аналогичная Санкт-Петербургская фотография имеет название «Типы при корчме в Дриссенском уезде»⁴. Дополнительная информация о сословной принадлежности персонажей приведена в описании этой фотографии, репродуцированной в книге А. М. Сементовского «Этнографический обзор Витебской губернии»: «Помещенный в этой главе рисунок представляет пирующую шляхту в одной из корчм Ди-

³ Российский этнографический музей, кол. 8764–4411.

⁴ Российский этнографический музей, кол. 8764–4421.

набургского уезда» (название уезда указано ошибочно — прим. авт.) [12, с. 26]. На снимке слева видим две молодых пары в рост. Мужчины по типу и характеру костюма представляют характерный тип эконома или арендатора из безземельной шляхты. По центру сидит музыкант, играющий на скрипке. Слева от него около стола с графином и бутылкой сидит пожилая мещанка в клетчатом платье. Рядом с ней, спиной к зрителю стоит молодая девушка с двумя косами, одетая в длинную юбку с поперечными полосами, белый фартук и облегающий стан корсаж с фигурным вырезом на спине. Сцена имеет постановочный характер. Она вынесена фотографом из внутреннего помещения на улицу и картинно развернута на фоне стены корчмы. Положение и позы персонажей композиционно продуманы и тщательно выстроены. По такому же принципу строятся композиции фотографий «Крестьяне Лепельского уезда Хотинской волости» (F 46-791), на которой изображены сидящие за столом крестьяне в свитках; «Крестьяне Полоцкого уезда» (F 46-811), где крестьяне расположены в разных ракурсах около деревянной повозки. Такой прием съемки диктовался техническими причинами — невозможностью сделать качественную фотографию внутри помещения при его недостаточной освещенности. «Картинность» обусловлена, с одной стороны, длительностью выдержки, требовавшей статичности поз, с другой, — не преодоленным еще на тот момент развития искусства фотографии родством ее с живописью, законами построения картины плоскости. М. Кусцинский как художник выстраивает, композиционно режиссирует свои сцены для фотографирования.

Одним из первых среди фотографов он начал снимать своих героев не в условиях ателье, а на открытом воздухе в естественной среде. Стремлением запечатлеть «правду жизни» отличаются этнографические фотографии его авторства от других, присланных на Этнографическую выставку. Так, например, по заказу Могилевского губернского статического комитета

снимки крестьян Чериковского уезда были выполнены фотографами-профессионалами в условиях ателье⁵.

Фотография «Крестьянская изба вблизи г. Лепеля» (F 46–785), запечатлевшая сидящих и стоящих крестьян разного возраста, мужчин, женщин и детей, сельскохозяйственные орудия, сделана М. Кусцинским на крестьянском подворье при натуральном освещении. Солнечный свет является полноправным средством фотографического выражения, сообщает запечатленным фигурам и предметам объем, наполняет пространство фотографии воздухом. Впечатление остановленного момента, живость сцене придает и то, что некоторые лица на фотографии получились не в фокусе. Фоном для съемки фигур и портретов фотограф выбирает белую оштукатуренную или деревянную стену помещичьего дома с колоннами или использует загрунтованный в белый цвет холст, что хорошо видно на фото «Крестьяне старообрядцы Лепельского уезда» (F 46–784) и «Лепельский мещанин в рабочей одежде» (F 46–802).

Выбор персонажей для фотографирования был продиктован научным подходом автора и решением конкретных задач этнографической выставки. М. Кусцинский стремился отразить этнический и сословный состав населения Витебской губернии. Он фотографировал государственных и дворовых крестьян, волосных старост и уездных старшин, шляхту, мещан и ремесленников: рыбака в зимнем костюме с инструментами зимнего лова (F 46–795), плотника с топором (F 46–802), сапожника и кузнеца из полоцких мещан (F 46–807, 810).

На фотографиях запечатлены также представители других этносов, проживавшие в Витебской губернии. На двух снимках видим русских старообрядцев Латгалии и Городчевичской волости Лепельского уезда: мужчин, с характерными бородами и женщин с накинутыми на головы и плечи цветастыми шальями (F 46–784, 780). На шести фотографиях изображены лат-

⁵ Российский этнографический музей, коп. 8764–4392–4399.

гальские латыши, проживавшие в инфляндском уезде Витебской губернии — Крейцбургской и Ингермуйжской волостях Динабургского уезда (теперь Даугавпилский край Латвии). Несколько снимков выполнены в имении барона Корфа. Латышские крестьяне — мужчины и женщины, старшины и старосты крестьянских обществ, имеющие соответствующие знаки отличия, сфотографированы на ступеньках помещичьего дома в имении Крейцбург. В надписях есть указание на лютеранское вероисповедание крестьян. Фотографии выразительно передают антропологические особенности представителей латышского этноса, характерную форму их головных уборов, крой свиток мужчин, наплечные покрывала женщин. На четырех снимках зафиксированы колоритные цыгане Лепельского уезда: старый цыган (F 46–796) и молодая красавица-цыганка (F 46–797), сцена в таборе (F 46–814), гадание цыганки барыне на ступеньках помещичьего дома (F 46–815).

Старообрядческие, латышские и цыганские фотографии из Витебской губернии М. Кусцинского представлены и в Санкт-Петербургской коллекции. Охват всех этнических групп населения Витебской губернии свидетельствует о научном подходе фотографа к фиксации этнографических особенностей народонаселения своего края. Без сомнения он опирался на современные ему этнографические исследования. «Никогда этнография, как наука, не обращала на себя столько внимания ученых и вообще образованных людей, как во второй половине текущего века, когда к делам государственной политики примкнул многозначительный вопрос о национальности. Никогда мы русские не обращали столько внимания на изучение населяющих наше полумировое отечество народностей, как в последнее десятилетие», — писал в эти годы председатель Витебского статического губернского комитета А. М. Сементовский [13, с. 26].

Обе коллекции этнографических фотографий М. Кусцинского выполнены в одно время и предназначались для Все-

российской этнографической выставки 1867 г. Их следует отнести к наиболее ранним этнографическим фотографиям, выполненным в Беларуси и точно датировать. По условиям оргкомитета выставки портретные фотоснимки следовало представить до 1 января 1867 года, с тем, чтобы с них могли выполнить манекены [9, с. 15]. Таким образом, этнографические фотографии М. Кусцинского могли быть сделаны не позднее 1866 г.

Желая «послужить на пользу отчеству» [14, с. 15] лепельский краевед — автор фотоколлекцией с Витебской губернии внес весомый вклад в этнографическое изучение народов Российской империи. В качестве активного участника этнографического и археологического отделов выставки и члена Витебского губернского статического комитета М. Кусцинский вместе с его секретарем А. М. Семеновским-Курило присутствовал 23 апреля по ст. ст. 1867 г. на открытии Всероссийской этнографической выставки в Москве. Такой чести от белорусских губерний были удостоены также два представителя Гродненского губернского статического комитета [9, с. 38].

Семь видовых фотографий вильнюсской коллекции также можно отнести к 1860-м годам. На них запечатлены архитектурные памятники Полоцка: Спасо-Ефросиньевская церковь, Никольский собор и памятник 1812 г. (F 46–271, 273, 272); местечки Дрисса и Улла (F 46–274, 277). Большой интерес для историков представляют фотографии гидротехнических сооружений Березинской водной системы в Лепеле: подъемный мост на р. Улла (F 46–226), полушлюз и подъемный мост (F 46–227). Это самые ранние фотоснимки гидротехнических сооружений в Лепеле — центра Березинской системы. В середине XIX в. Лепель быстро развивался. Тут размещалась администрация канала, было много чиновников, купцов, имелось уездное училище и школа кантонистов — судходное техническое училище водных кондукторов [15, с. 10–12]. На одной из фотографий (F 46–813) запечатлена лодка начальника Бере-

зинской системы с отдыхающими. Пассажиры позируют фотографу: начальник с женой и дети — два мальчика и четыре дочери одеты в белые платья и шляпки, еще две женщины старшего возраста, капитан лодки, несколько мужчин интеллигентного вида и рабочие.

На четырех фотографиях вильнюсского собрания запечатлены экспонаты музея М. Кусцинского. Это результаты его археологических изысканий и случайные находки древних раритетов в Лепеле и окрестностях. Фотография с надписью «Железный копьё и гетманский порфирный жезл (булава), найденные в Лепельском уезде» (F 46–806) идентична снимку экспонатов музея М. Кусцинского в собрании Витебского областного краеведческого музея⁶. А. М. Сементовский, посетивший имение Завидовичи в 1888 г., осмотрев археологический музей, не согласился с мнением М. Кусцинского, что этот раритет, найденный в 1858 г. Лепеле при рытье канавы, относится к тому времени, когда тут в 1568 г. велись ожесточенные военные действия, а определил его как «костельное украшение весьма недавнего происхождения» или же «просто головка от трости» [13, с. 69–71]. Каменный предмет с отверстием в середине и четырьмя крестообразными отросткам, который зафиксирован под № 5 на фотографии «Орудия каменного века, найденные в Лепельском уезде» (F 46–800) А. М. Сементовский также считал «изделием последних времен» [13, с. 69]. Всего известно 6 снимков археологического музея М. Кусцинского в Завидовичах Лепельского узда. Эти фотографии являются важными иконографическими документами для идентификации экспонатов археологического собрания М. Кусцинского, часть которого в разрозненном виде хранится в Витебском областном краеведческом музее [7, с. 66].

Представляет интерес вопрос об истории появления вильнюсской коллекции М. Кусцинского.

⁶ Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), н/в 7267.

В верхней части паспорта всех фотографий имеется нумерация с № 8 по № 50, которая выполнена той же рукой, что и подписи. Это свидетельствует о том, что все фотографии происходят из одной авторской серии, в которой было не менее 50 фотографий. Из этого следует, что в вильнюсской коллекции отсутствуют (или пока еще не выявлены) еще две фотографии М. Кусцинского.

В левой нижней части паспорта указаны коллекционные трехзначные рукописные номера, начинающиеся с цифры «6», а справа — наклейки с трехзначными номерами с начальными цифрами «2» и «3» (на некоторых фотографиях они повреждены или целиком утрачены). Это позволяет предполагать, что до поступления в рукописный отдел Университетской библиотеки фотографии хранились, по крайней мере, еще в двух других собраниях. Ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Предпринятая нами попытка выявить свидетельства членства М. Кусцинского в Северо-Западном отделе Русского географического общества, основанного в Вильне в 1867 г., в документах, хранящихся в отделе рукописей Библиотеки Вильюсского университета, не принесла результата.

Следует отметить, что некоторые этнографические, видовые и археологические снимки М. Кусцинского были известны его современникам. Вскоре после появления фотографий в 1872 г. А. М. Сементовский в «Этнографическом обзоре Витебской губернии» поместил литографии народных типов Витебщины с указанием, что рисунки «сняты с натуры» посредством фотографий М. Кусцинского [12, с. 26]. В разделе «Белорусы» напечатана литография с парной фотографии «Парень и девушка в свадебных костюмах из окрестностей Лепеля», в разделе «Великорусы» — фото «Старообрядцы Городчевичской волости в праздничных костюмах», в разделе «Поляки» — фото «Народные типы при корчме в Дриссенском уезде» [12, с. 5, рис. 1; с. 15, рис. 2; с. 25, рис. 3]. В книге также помещены изображения латыша и латышской женщины, награвированные с

фотографій М. Кусцінскага [12, с. 33, рис. 4; с. 45, рис. 5]. Оригиналы этих фотографий хранятся в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге⁷. По фотографиям М. Кусцінскага были выполнены также литографические иллюстрации археологических памятников в книге А. П. Сапунова «Витебская старина» [11]⁸.

Введение в научный оборот новых материалов о деятельности М. Кусцінскага позволяет высоко оценить значительный вклад ученого и фотографа в изучение археологии и этнографии Витебщины. Его по праву можно назвать основоположником краеведческой и этнографической фотографии Беларуси. Он оставил потомкам богатое фотографическое наследие, значение которого выходит за рамки локального краеведения. Благодаря специфической оптике видения и фотографическому новаторству М. Кусцінскага, наши современники могут получить наглядное визуальное представления о белорусах и их соседях — латышах, русских старообрядцах, цыганах, которые жили в середине XIX в. на белорусской земле.

Введение в научный оборот и публикация в будущем оригинальных фотоснимков М. Кусцінскага значительно расширит иконографическую базу источников по этнографии, археологии и истории фотографии в Беларуси. Этому будет способствовать размещение атрибутированной коллекции в электронной базе данных Библиотеки Вильнюсского университета. В перспективе, думается, возможна реализация трехстороннего исследовательского и издательского проекта «Сводный каталог фотографий М. Ф. Кусцінскага в коллекциях отдела рукописей Библиотеки Вильнюсского университета, Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, Витебского областного краеведческого музея».

⁷ Российский этнографический музей, кол. 8764–10805, 10804.

⁸ Об этом свидетельствуют письма М. Кусцінскага, адресованные А. П. Сапунову, хранящиеся в Витебском областном краеведческом музее (ВОКМ).

Фото 1. Фотография витрины музея М. Ф. Кусцинского
в Завидичах (Собственность и фотография Михаила Кусцинского)
ВОКМ КП 026119/02 (ранее ВОКМ н/в 7269)

Фото 2. 1. Каменная статуэтка (Бурхан)

Невельскій ідолъ.

Фото 3. Фото Невельского идола, опубликованное А. К. Киркором в «Живописной России»

Фото 4. Статья М. К. (М. Кусчинского) в польском издании «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» за 1893 год

Фото 5. «Булава» из собрания М. Ф. Кусцинского

Фото 6. Наконечник копья и нитка бус из раскопок кургана в урочище Княгинки

Істочнікі

1. Лобачевская, О. А. Этнографические фотографии с Витебщины М. Ф. Кусцинского для Всероссийской этнографической выставки 1867 года / О. А. Лобачевская // Лепельскія чытанні: другая навук. — практ. канф., Лепель, 2006 г.: зб. дакл. — Лепель, 2006. — С. 33–40.
2. Лабачэўская, В. А. Этнаграфічная фотакалекцыя з Беларусі на Усерасійскай этнаграфічнай выстаўцы 1867 года / В. А. Лабачэўская // Беларускі гістарычны часопіс. — 2007. — № 4. — С. 32–37.
3. Каханюўскі, Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г. А. Каханюўскі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1984. — 120 с.
4. Каробушкіна, Т. Кусцінскі Міхаіл Францавіч / Т. Каробушкіна // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — У 6-ці т. — Т. 4. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1997. — С. 318.
5. Каробушкіна, Т. М. Кусцінскі Міхаіл Францавіч / Т. М. Каробушкіна, Г. А. Каханюўскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993. — С. 359.
6. Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. — 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев; АН РФ, Ин-т археологии; Витебский обл. — Минск: Беларуская навука, 1996. — 206 с.
7. Шарковская, Н. Археолог-любитель из Завидовичей (о выявленных материалах М. Ф. Кусцинского в фондах Витебского областного краеведческого музея) / Н. Шаркоўская // Музейный вестник. — Вып. 2. / укл. Н. Калымага, А. Ладзісаў; Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. — Мінск: Юніпак, 2005. — С. 66–70.
8. Kuściński, M. Powiat Lepelski gub. Witebskiej; praca, nagrodzona na konkursie tygodnika «Naokoło świata» / M. Kuściński. — Warszawa: Druk Kaniowskiego & Waclawowicza, 1903. — 20 s. (Odbitka z tug. «Naokoło świata»).
9. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. — Москва, 1867.
10. Указатель Русской этнографической выставки. — Москва, 1867. — 148 с.
11. Сапунов, А. П. Витебская старина / сост. А. П. Сапунов. — В 5 т. — Т. 1. — Витебск: Типография губернского правления, 1883. — XXII с., 668 с.
12. Сементовский, А. М. Этнографический обзор Витебской губернии / А. М. Сементовский. — Санкт-Петербург: Типография М. Ха-на, 1872. — 72 с.

13. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. — Санкт-Петербург: Типо-литография Н. Стефанова, 1890. — XII с., 137 с.
14. Славянский мир: Этнографическая выставка 1867 года / сост. И. П. Шангина; Российский этнографический музей. — Санкт-Петербург: АО «Славия», 2000. — 68 с.
15. Стельмах, А. В. Березинская водная система / А. В. Стельмах; Лепельский районный краеведческий музей. — Витебск: Витебская обл. типография, 2009. — 24 с.

М. М. Віннікава

ДЫВАНЫ І ПОСЦІЛКІ ЛЕПЕЛЬШЧЫНЫ Ў МАТЭРЫЯЛАХ ЭКСПЕДЫЦЫІ 1980 ГОДА

У 1980 г. супрацоўнікі Навукова-даследчай мастацка-эксперыментальнай лабараторыі (НДМЭЛ) пры Упраўленні мастацкай прамысловасці Беларусі (зараз Навукова-вытворчае Рэспубліканскае унітарнае прадпрыемства беларускіх народных рамёстваў «Скарбніца») наладзілі дзве экспедыцыі ў Віцебскую вобласць для выяўлення стану развіцця народнага мастацтва і збору матэрыялу па розных відах мастацкіх рамёстваў. У гэтых экспедыцыях прымала удзел і аўтар дадзенага артыкула, якая ў той час працавала мастаком у аддзеле мастацкага ткацтва НДМЭЛ. Падчас адной з экспедыцый былі даследаваны некаторыя вёскі Лепельскага раёна: Ворань, Заазер'е, Падлобныя, Дзеньгубы, Валосавічы, Ліпкі, Лутчына, Касцюкоўшчына. Як сведчыць матэрыял па народнаму тэкстылю, сабраны ў дадзеных вёсках, пачынаючы з 1930-х гадоў сярод мастацкіх вырабаў ручнога ткацтва тут пераважалі посцілкі і насценныя дываны. Яны былі вытканы ў розных тэхніках: чатырохнітовай, васьмінітовай, аднабаковым і двухбаковым пераборам, сустракаліся нават ажурнатканыя посцілкі з вышыўкай.

У працэсе палявых даследаванняў мы імкнуліся сабраць разнастайныя звесткі пра кожную рэч — ад часу стварэння і